

Предисловие

Как появилась эта книга

Может показаться, что власть — понятие абстрактное, однако те, кто к ней приспособлен лучше других, то есть сильные мира сего, инстинктивно чувствуют ее взлеты и падения. Те, кто обладает наибольшей властью, острее прочих ощущают, до какой степени ограничена свобода их деятельности, и испытывают чувство бессилия из-за того, что их ожидания от власти, которую обеспечивает занимаемое ими положение, расходятся с тем, что они имеют на самом деле. В феврале 1989 года мне тоже довелось пережить подобное разочарование, пусть и не такое масштабное. Мне было тридцать шесть лет, и меня выбрали министром экономического развития в тогда еще демократическом правительстве Венесуэлы, моей родной страны. Вскоре после того, как мы в результате безоговорочной победы на выборах пришли к власти, в Каракасе начались волнения, вызванные нашими планами урезать субсидии и поднять цены на топливо. Город погрузился в хаос, повсюду царили насилие и страх. И программа экономических реформ, которую мы отстаивали, вдруг обрела совершенно иное значение, несмотря на нашу победу и очевидные полномочия. Если раньше она олицетворяла благополучие и надежду, то теперь стала источником уличных беспорядков, роста бедности и неравенства.

Именно тогда я впервые столкнулся с явлением, полностью осмыслить которое смог лишь много лет спустя. А именно — с пропастью между восприятием и подлинной сущно-

стью власти. Будучи одним из главных министров в сфере экономики, теоретически я обладал огромной властью. На деле же я имел весьма ограниченную возможность распоряжаться ресурсами, привлекать к работе организации и отдельных лиц, ну и в целом делать что-либо. То же чувствовали мои коллеги и даже президент, хотя нам и не хотелось признаваться в том, что наше правительство — колосс на глиняных ногах. Я склонен был отнести эту слабость на счет общего положения дел в Венесуэле: наверняка же преследовавшее нас ощущение собственного бессилия связано с печально известными своей слабостью и неудовлетворительной работой венесуэльскими государственными институтами. Не может быть, чтобы во всем мире тоже было так.

Однако впоследствии я понял, что это практически универсальное ощущение, свойственное всем, кто когда-либо побывал у власти. Фернанду Энрики Кардозу, бывший президент Бразилии, благодаря которому государство добилось успеха, объяснил мне: “Меня всегда удивляло, что меня считают влиятельным лицом, — признался он, когда я брал у него интервью для этой книги. — Даже хорошо информированные и сведущие в политике люди не раз обращались ко мне с просьбами, из которых ясно следовало, что они приписывают мне куда больше власти, чем у меня есть на самом деле. И я всегда думал: «Знали бы они, до какой степени в наши дни ограничена власть президента». На встречах с главами других государств мы часто об этом рассуждали. Пропась между нашей реальной властью и тем, что от нас ждут, — причина самого серьезного давления, с которым приходится сталкиваться главе любого государства”.

Нечто похожее я слышал от Йошки Фишера, одного из самых популярных немецких политиков, бывшего канцлера Германии и министра иностранных дел. “Я был молод, и власть меня зачаровывала и манила, — рассказывал Фишер. — И я испытал большое потрясение, узнав, что все эти величественные правительственные резиденции и прочие атрибуты власти суть пустое место. Имперская архитектура правительственных дворцов скрывает, до чего на самом деле ограничена власть тех, кто в них работает”.

Схожие рассуждения я слышал не только от министров и глав государств, но и от руководителей крупных компаний, глав фондов и больших организаций в самых разных сферах деятельности. Вскоре мне стало ясно, что происходит нечто более серьезное: дело не только в том, что сильные мира сего жалуются на пропасть между предполагаемой и реальной властью. Сама власть испытывает беспрецедентное давление. Начиная с 1990 года я каждый год посещал Всемирный экономический форум в Давосе, где собирались самые влиятельные персоны из сфер бизнеса, государственного управления, политики, СМИ, неправительственных организаций, науки, религии и культуры. Мне посчастливилось присутствовать и выступать практически на всех самых привилегированных встречах сильных мира сего, в том числе на конференции Бильдербергского клуба, ежегодном собрании магнатов индустрии СМИ и развлечений в Сан-Валли и ежегодных собраниях Международного валютного фонда. Каждый год я беседовал с разными участниками, и наши разговоры подтверждали мою догадку: сильные мира сего в наши дни сталкиваются со все более серьезными ограничениями власти. И реакция на мои расспросы свидетельствовала об одном: власть становится слабее, неустойчивее и несвободнее в своих проявлениях.

Я вовсе не призываю пожалеть тех, кто облечен властью. Жалобы правителей на собственное бессилие — еще не повод для паники в нашем мире, где “победитель получает все”. Я лишь хочу описать влияние упадка власти. Далее я подробно разберу процесс упадка, его причины, проявления и последствия с точки зрения способов, которыми он влияет не только на 1% избранных, но, что важнее, на большой и растущий средний класс, а также на тех, кто вынужден каждый день бороться за выживание.

Мойзес Наим
Март 2013 года